Ушаков А.

Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии. — Старица: Изд-во И.П. Крылова, 1903. — 70 с.

Посвящается

ВТОРОМУ ОБЛАСТНОМУ

Археологическому Съѣзду

въ Твери.

КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА

конца XIX вѣка въ Старицкомъ уѣздѣ *Тверской губерніи.*

Ни одно семейное событіе въ жизни нашего народа не обставляется такою торжественностью,—какъ свадьба. Свадьба, если можно такъ выразиться, является фактомъ центральнымъ въ жизни человѣка. Она не только вноситъ коренную перемѣну въ жизнь самихъ брачущихся, но имѣетъ важное значеніе и для той семьи, къ которой они принадлежатъ. По этому свадьба изстари обставлялась различными обрядами, сопровождалась пѣснями и причитаньями и имѣла, такъ сказать, свой обрядовый уставъ, отступленіе отъ котораго считалось предосудительнымъ. Но въ послѣднее время, вслѣдствіе близкаго знакомства съ большими городами, бытъ нашего Старицкаго крестьянина значительно измѣнился и старое постепенно начинаетъ уступать мѣсто новому.

Народное поэтическое творчество остановилось въ своемъ развитіи и все далѣе и далѣе отступаетъ въ область преданій. Пройдетъ ка-

кихъ нибудь два десятка лѣтъ и наша деревня совершенно забудетъ, какъ справлялась свадьба даже и въ такомъ не далекомъ прошломъ, какъ, напримѣръ, конецъ послѣдней половины XIX столѣтія. Свадебные обычаи того времени можно раздѣлить на слѣдующія четыре отдѣльныя группы: сватовство, лады или рукобитіе, дѣвичникъ и собственно свадьба.

Сватовство.

Свадебный сезонъ въ Старицкомъ уѣздѣ начинается съ праздника Рождества Христова, и святки—это время сватовства и дѣвичьихъ гаданій и примѣтъ о будущей судьбѣ, о суженомъ—ряженомъ. Въ святки дѣвицы для гаданья выпрашиваютъ у причта „славленнаго“ овса, но если удастся взять тайкомъ, то еще лучше,—вѣрнѣе гаданье будетъ. Вечеромъ раскладываютъ овесъ въ кучки по числу участницъ гаданья и становятся вкругъ; затѣмъ приносятъ съ нашести курицу и пускаютъ посрединѣ круга. Курица, осмотрѣвшись, начинаетъ клевать овесъ: изъ чьей кучки клюнетъ, та дѣвица и замужъ выйдетъ. Когда священникъ ходитъ по домамъ съ христославленьемъ, дѣвицы залѣзаютъ подъ мостъ и стараются незамѣтно схватить его за подолъ,—„чтобы изъ дому уволокъ“. Чтобы узнать, гдѣ живетъ суженый, гадаютъ такъ:

завязываютъ у лошади глаза; дѣвица садится на нее лицомъ къ хвосту: куда пойдетъ лошадь,— въ той сторонѣ и женихъ. Берутъ таракана и пускаютъ его на перекресткѣ: въ которую сторону пойдетъ тараканъ, тамъ и женихъ. Набираютъ въ подолъ или фартукъ снѣгу и, растряхивая вокругъ себя, приговариваютъ:

„Полю, полю снѣжище
У свекрова дворища.
Залай, залай, кобелище,
На свекровомъ дворищѣ“.

Это повторяется три раза, затѣмъ дѣвица припадаетъ къ землѣ и слушаетъ, гдѣ залаетъ собака. Откуда послышится лай,-тамъ и женихъ. Для этойже цѣли дѣвицы три раза кружатся на одной ногѣ и сбрасываютъ съ ноги сапогъ: куда носомъ ляжетъ, тамъ и женихъ. Что-бы узнать скоро-ли замужъ выйдешь, ставятъ на дорогѣ свѣтецъ. Дѣвица съ завязанными глазами ищетъ его: скоро найдетъ—скоро и замужъ выйдетъ. Чтобы узнать, богато или бѣдно придется жить замужемъ, таскаютъ изъ омета соломы колосья: съ зерномъ—богато жить, а пустой—бѣдно. Особенно многочисленны и разнообразны гаданья на новый годъ. Въ эту ночь, по мнѣнію дѣвицъ, можно узнать на счетъ будущаго уже всѣ подробности: кто будетъ женихъ, какова его семья, даже каковъ будетъ свадебный поѣздъ. Но прежде чѣмъ приступить къ

гаданьямъ, дѣвицы постараются обойти всѣ овины и посмотрѣть не засадилъ-ли кто свой овинъ льномъ или пенькой. Если окажется такой овинъ, то необходимо ленъ или пеньку вытаскать изъ садила, —въ противномъ случаѣ въ этотъ годъ изъ всей деревни ни одной дѣвицы не выйти замужъ,—ни одного свата не будетъ,—безполезны и гаданья. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвицы вездѣ осмотрятъ: не положилъ-ли кто плохо борону и если найдутъ, то непремѣнно всю разобьютъ ее и обломки раскидаютъ по огороду, а зубья разберутъ себѣ: сколько зубьевъ дѣвицѣ удалось захватить, столько за нее въ тотъ мясоѣдъ и сватовъ будетъ. Послѣ этого можно уже смѣло приступить и къ гаданьямъ. Кромѣ общеизвѣстныхъ гаданій,—литья олова, слушанья подъ окнами и спрашиванья, какъ зовутъ жениха, —существуютъ еще слѣдующія.*) Дѣлаютъ у изголовья изъ лучины колодецъ и, ложась въ постель, говорятъ: „суженый—ряженый пріѣзжай коня поить". Кладутъ подъ подушку вѣникъ и говорятъ: „суженый—ряженый попарься,—приди". Ложатся спать, подпоясавшись, и говорятъ: „суженый—ряженый,—приди распоясть меня". Запираютъ замкомъ косы, что-бы суженый пришелъ замокъ отпереть. Кладутъ подъ подушку гребень и говорятъ: „су-

*) Тѣ-же гаданья практикуются и на Екатеринин день, и Андрея Первозваннаго.

женый—ряженый,—приди, причеши мою головушку". Осыпаютъ постель льняными сѣменами и, ложась спать, приговариваютъ: „сѣмечко, сѣмечко,—покажи женихову семеечку." Кладутъ подъ подушку поясъ и говорятъ: „поясъ, поясъ,—покажи жениховъ поѣздъ." При этомъ дѣвицы, ложась спать, уже не молятся Богу, такъ какъ вѣщіе сны въ новогоднюю ночь приписываются дѣйствію нечистой силы. Злые духи могутъ оскорбиться молитвою дѣвицы и жестоко отомстить ей. Не рѣдко можно слышать, передаваемый съ суевѣрнымъ страхомъ, разсказъ, какъ одна дѣвица поплатилась за свою оплошность Она подпоясалась въ новогоднюю ночь поясомъ съ приговоромъ,—и забывшись, ложась спать, по привычкѣ перекрестилась. Въ полночь пришли „не наши" и вмѣсто того, чтобы развязать поясъ, такъ стянули его, что перерѣзали несчастную дѣвицу пополамъ. Таковы святочныя гаданья. Но легко разрушить всѣ эти волхованія, такъ что и самое ясное предзнаменованіе не исполнится. Для этого стоитъ только бросить въ деревенскій колодецъ или въ прорубь пруда пукъ соломы или хворосту и ни одна дѣвица не выйдетъ замужъ. Легко сдѣлать также, что жениху нигдѣ не дадутъ невѣсты,—стоитъ только незамѣтно воткнуть ему въ стѣну ножъ.

Тѣмъ временемъ, какъ дѣвицы заняты гаданьемъ и ожиданіемъ суженаго не во снѣ, а

на яву, женихи обдумываютъ, куда ѣхать „сватомъ“. Наконецъ, разумѣется при участіи отца съ матерью, вопросъ этотъ рѣшенъ. Въ одинъ изъ счастливыхъ дней,—Воскресенье, Вторникъ или Четвергъ,—назначается выѣздъ. Предъ выѣздомъ изъ дому накрываютъ столъ скатертью, на столъ ставятъ хлѣбъ—соль, передъ иконами зажигаются свѣчи. Отецъ и мать жениха и самъ женихъ одѣты уже по дорожному; всѣ присаживаются на лавку, затѣмъ встаютъ и молятся Богу. Но предварительно не упустятъ случая опутать возжами столъ или печную трубу, чтобы удачнѣе опутать,—склонить на согласіе,—невѣсту. Отецъ жениха съ тою же цѣлью прячетъ обрать подъ правой полою, или кладетъ въ карманъ женскій повойникъ. Впрочемъ эту принадлежность женскаго туалета иногда скрываютъ гдѣ нибудь въ упряжи: или подъ хомутомъ, или подъ сѣделкой лошади, на которой собираются отправиться въ путь. Помолившись Богу, отецъ и мать съ женихомъ, сопровождаемые благословеніями и благожеланіями, выходятъ изъ дому. Отецъ съ сыномъ—женихомъ обыкновенно садятся поудобнѣе,—на заднее сидѣнье, а мать, хотя-бы она была и слабая старушка,—всегда на переднее. Въ этомъ кстати замѣтимъ, сказывается взглядъ нашего крестьянина на женщину, какъ на лицо въ семьѣ второстепенное. Дорогою,—на вопросъ куда ѣдете,—„сваты“

никогда не отвѣчаютъ, да объ этомъ ихъ уже обыкновенно и не спрашиваютъ. Развѣ какой нибудь подростокъ—мальчикъ спроситъ на озорство—тогда ему отвѣтятъ:

„На кудыкину гору,
Прутья ломать,
Да тебя стегать.“

Проѣзжающимъ мимо деревни сватамъ дѣвицы кричатъ вслѣдъ: „топоръ забылъ!“ Эти два слова по ихъ мнѣнію имѣютъ особую силу: гдѣ-бы окликнутые сваты не ѣздили, а все-же придется имъ вернуться въ эту деревню и здѣсь взять невѣсту. Пріѣхавъ въ деревню, сваты останавливаются у родныхъ или знакомыхъ и никогда не входятъ въ домъ невѣсты безъ доклада. Иногда устраиваются смотрины: если въ деревнѣ по какому нибудь случаю нѣтъ бесѣды, то посылаютъ по деревнѣ вѣстового, что-бы дѣвицы собрались на бесѣду,—„сваты пріѣхали“. И ни одна дѣвица не удержится отъ искушенія „себя показать и людей посмотрѣть“. Обыкновено всѣ онѣ разряженныя и разрумяненныя охотно собираются на смотрины. Послѣ смотринъ посылаютъ въ домъ невѣсты спросить: желаютъ-ли принять сватовъ? Отвѣтъ получается обыкновенно утвердительный. Каковъ-бы не былъ женихъ, хотя-бы и изъ „низкаго дому“, но его все-таки принимаютъ: „худой женихъ хорошему дорогу укажетъ“. Отказываютъ при-

нять сватовъ только въ томъ случаѣ, когда дѣвицу выдавать замужъ въ этотъ мясоѣдъ вовсе не разчитываютъ. Получивъ позволеніе, сваты приходятъ въ домъ и садятся на „долгую лавку“:*) женихъ подъ матицей, а отецъ съ матерью рядомъ съ нимъ, но ближе къ двери. При этомъ никто изъ сватовъ не рѣшится сѣсть за матицу, ближе къ столу,—дѣло разойдется. Если родители невѣсты не прочь выдать свою дочь, то гостей приглашаютъ за столъ. Появляется закуска и выпивка. Начинается угощеніе и болѣе оживленный обмѣнъ мыслей между будущими родственниками. Тѣмъ временемъ жениха и невѣсту высылаютъ въ сѣни „пошептаться“. Здѣсь вопросъ о свадьбѣ рѣшается уже окончательно. Невѣста, не стѣсняемая присутствіемъ постороннихъ, иногда прямо заявляетъ жениху: „не гонись за мной,—все равно не пойду за тебя, а если и пойду, то по неволѣ“. Въ такомъ случаѣ, вернувшись изъ сѣней, женихъ говоритъ отцу съ матерью: „здѣсь намъ не невѣста,—поѣдемте домой,“— и сваты уѣзжаютъ. Если-же невѣста согласна выйти замужъ, то родители ея обѣщаютъ пріѣхать „смотрѣть домъ“ жениха. Пока идетъ угощеніе сватовъ, подъ окнами собирается толпа любопытныхъ: и старые и малые. Дѣвицы

*) Лавка, которая идетъ отъ двери къ образамъ, т. е. къ переднему углу

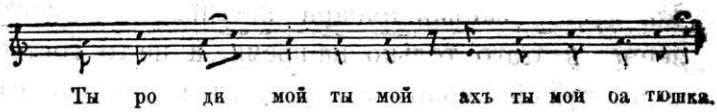
растаскиваютъ изъ саней жениха все сѣно и солому по деревнѣ, „что-бы другимъ женихамъ дорогу показать“; подъ сани привязываютъ вѣникъ, „что-бы этотъ женихъ другимъ дорогу разметалъ“. По большей части на другой день или не позднѣе, какъ на третій, отецъ и мать невѣсты ѣдутъ смотрѣть домъ жениха. Они подробно освѣдомляются о составѣ семьи, о количествѣ душъ земли, сходятъ и на дворъ скотину посчитать и въ амбарѣ сколько хлѣба посмотрѣть. Но не обходится иногда и безъ обмана. Въ пустые засѣки амбара насыплютъ чужого зерна, взятаго только на время, а не то гостей и въ чужой амбаръ сведутъ, въ компанью къ одной своей коровкѣ одну или парочку на этотъ случай отъ сосѣда приведутъ. Наконецъ, если семейное и имущественное положеніе жениха окажется удовлетворительнымъ, родители невѣсты совмѣстно съ родителями жениха назначаютъ „лады или рукобитіе“.

Лады.

Женихъ съ своими родными въ назначенный день пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты. Всѣ, не раздѣваясь, садятся на „долгую лавку“, строго соблюдая обычай—не заходить за матицу. Невѣста съ своими двумя ближайшими подругами—„подневѣстницами“ въ это время сидитъ

за переборкой у печи, а гдѣ нѣтъ переборки,— на этотъ случай дѣлается занавѣска. Сначала родные жениха и невѣсты условливаются относительно дня свадьбы и другихъ свадебныхъ подробностей. Затѣмъ предъ иконами засвѣчается свѣча, на покрытомъ столѣ ставится хлѣбъ—соль. Отецъ невѣсты приглашаетъ къ себѣ отца жениха и три раза бьютъ пола объ полу (мѣхъ объ мѣхъ). Въ это время невѣста причитаетъ:

Протяжно



Ужъ кормилецъ ты мой батюшка,
Не свѣти ты свѣчу воску ярова
И не бѣй ты пола объ полу,
Не пробивай меня горюшечку
Во чужи люди не родные,
Что не родные и не болѣзные.*)

Но причитаніе прерывается. Всѣ гости собираются около стола, молятся Богу и затѣмъ всѣ цѣлуются. Невѣста молится за своей переборкой и до времени къ гостямъ не выходитъ. Гости раздѣваются, садятся за столъ и начи-

*) И всѣ другія причитанія невѣсты имѣютъ въ основаніи этуже мелодію.

нается угощеніе*). Распоряженіе виномъ поручается большаку со стороны жениха. На столъ ставятъ большую деревянную чашку, въ которую и выливаютъ вино. Распорядитель пиршества черпаетъ стаканомъ (а иногда и поварешкой) вино и вызываетъ по старшинству родныхъ невѣсты, которые при этомъ торжествѣ играютъ совершенно пассивную роль, состоящую главнымъ образомъ въ прислуживаньи пріѣзжимъ. Невѣста между тѣмъ причитаетъ.

Протяжно.

Ужъ кормилецъ ты мой батюшка
И родима моя матушка
Надоѣла я вамъ, знать, надоскучила,
Что продумали меня во чужи люди.
Знать слуга-то я вамъ была невѣрная,
Что не вѣрная, да знать, отвѣтная
И посылочка то, знать, не скорая...

Послѣ того, какъ всѣ родные невѣсты примутъ угощеніе отъ большака со стороны жени-

*) Въ этомъ обычаѣ (не раздѣваться и до богомоленія не садиться за столъ) ясно высказывается та мысль, что до этого момента еще возможенъ разрывъ между женихомъ и невѣстой, но послѣ этой священной минуты они уже связаны навсегда и перемѣнить рѣшеніе уже не возможно. Поэтому и про жениха послѣ ладовъ говорятъ: „назоленый“. И, напротивъ, про того жениха, у которого послѣ смотринъ дома ладовъ не состоялось, или кому и ранѣе еще отказано говорятъ: „осколка хватилъ“.

ха, стаканъ съ виномъ передается жениху, который вызываетъ невѣсту:

Поднебесная птица, красная дѣвица!
Выйди—повыйди, по своей по выслугѣ,
Отъ печей кирпичныхъ, отъ столбовъ горемычныхъ
По полу пиленому ко столу добовому,
Къ скатери браному, къ напитку пьяному,
Къ вину зеленому, ко мнѣ молодцу веселому.
Сама себя покажи и насъ посмотри;
Пожайлуста не поломайся,
Другого зова не дожидайся.

Невѣсту на этотъ вызовъ выводятъ подъ—руки двѣ подневѣстницы. Она идетъ къ столу и плачетъ:

Посторонитесь люди добрые,—
Желанные мои тетушки,
Приближенные сосѣдушки
И мои подружки милые.
Ужъ вы дайте путь—дороженьку
По своей пройти мнѣ новой горенкѣ.
Ко столамъ то ко дубовыимъ,
Что ко скатертямъ то браныимъ
Ко напиткамъ то-ли пьяныимъ,
Ко закускамъ то сахорныимъ,
Ко гостямъ-то ли пріѣзжіимъ.
Какъ и взять-то мнѣ стаканъ зелена вина
Пропустить въ уста сахарные.

При этихъ словахъ невѣста беретъ изъ рукъ жениха стаканъ съ виномъ и передаетъ его одной изъ своихъ подругъ съ причитаніемъ:

Ты моя подружка милая,
Ты послушайка моихъ рѣчей,
Ты возьми стаканъ зелена вина
Угостить-то мнѣ кормильца батюшку.

Затѣмъ, обратившись къ своему отцу, продолжаетъ:

Ужъ ты мой кормилецъ батюшка
Алексѣй-то ли Михайловичъ.
Ты послушайка моихъ рѣчей,
Что моихъ-ли рѣчей дѣвичьихъ.
Что я буду тебѣ сказывать,
Тебѣ сказывать, тебя умаливать,
Что умаливать—упрашивать.
Въ чемъ тебѣ я проступилася,
Проступилась—провинилася?
За проступокъ я те покорилася,
За провинность въ ножки поклонилася.

При этихъ словахъ невѣста кланяется отцу въ ноги и, подавая стаканъ съ виномъ, продолжаетъ:

Ты возьми-ка стаканъ зелена вина,
Пропусти-ка въ уста сахарные,
Каково тебѣ вино покажется?
А мнѣ горькой молодехонькой
Пришло горче зелена вина,—

Тверская областная библиотека
им. А.М. Горького

Что тошнехонько-то мнѣ грустнехонько.
Разставаться съ вами родные!
Съ тобой мой кормилецъ батюшка
И съ родимой моей матушкой.

Послѣ этого невѣста идетъ за занавѣсъ— къ печи, гдѣ находится въ это время ея мать,— и плачетъ, обращаясь къ матери:

Ты родима моя матушка,
Что была я у столовъ дубовыихъ,
Что у скатертей-то браныихъ,
У напитковъ то ли пьяныихъ,
У закусокъ-то сахарныхъ,
И я видѣла тамъ недруговъ,
Своихъ недруговъ,—непріятелей...

На этихъ словахъ обыкновенно подневѣстницы невѣсту останавливаютъ и даютъ умыться. Тѣмъ временемъ женихъ снова выкликаетъ невѣсту; на этотъ разъ она выходитъ уже безъ причитаній. Женихъ, отвѣдавъ вина изъ стакана, подаетъ его невѣстѣ, которая тоже отпиваетъ нѣсколько и отдаетъ стаканъ жениху. Такимъ образомъ стаканъ переходитъ изъ рукъ невѣсты къ жениху и обратно три раза. Что остается въ стаканѣ женихъ выливаетъ на полъ или брызжетъ въ потолокъ и при этомъ постарается какъ можно громче топнуть ногой, въ знакъ своего превосходства надъ своей будущей супругой,—затѣмъ обнимаетъ невѣсту и три раза цѣлуетъ ее, а за поцѣлуи даетъ ей деньги.

При этомъ семейномъ торжествѣ домъ невѣсты бываетъ открытъ для посторонней публики. Поэтому въ избѣ у дверей собирается обыкновенно множество зрителей, которые съ особеннымъ любопытствомъ наблюдаютъ этотъ моментъ и сконфуженную и раскраснѣвшуюся невѣсту провожаютъ насмѣшливымъ крикомъ: „укуситъ! укуситъ!“

Между тѣмъ невѣста снова плачетъ:

Шла я по полу пиленому
Ко столу-то ли дубовому,
Что ко скатерти то бранному,
Ко напитку-то ли пьяному
И пила я зелено горько вино.
Не горько ты мнѣ вино досталося,
Но горчѣй мнѣ жить во чужихъ людяхъ,
Во чужихъ людяхъ не у родныихъ,
Не у родныихъ—не болѣзныихъ,—
У чужова отца съ матерью.
Что сердца у нихъ огневые;
Что огневые—неотхоные,—
Безъ вины я буду виноватая.
Спать ложиться буду я позднехонько,
По утрамъ вставать ранехонько.
Ты вставай, вставай дитя нероженное,
Нероженное и нехоженое!.

Послѣ этого начинается угощеніе родныхъ жениха. На столѣ появляется селянка. Изъ тол-

пы зрителей вызываютъ дѣвицъ и парней къ стакану съ приглашеніемъ „пропить невѣсту“. Пропивши невѣсту дѣвицы уходятъ на улицу и подъ окномъ поютъ:

Развеселая-то наша жизнь,—
Наше житье дѣвичье!
Не надолго намъ оно досталося,
Однимъ часикомъ миновалося.
Что продумалъ ее кормилецъ батюшка
И родима-то ли матушка
Во село-то, село Юрьевско,
Во согласную семеечку.
У ней свекоръ-то добрый,
А свекровь добрѣе.
Деверья-то хороши,
А золовки лучше.

Но если родные жениха чѣмъ нибудь не угодили дѣвицамъ, то онѣ свою пѣсню кончаютъ такъ:

У ней свекоръ-то лихой,
А свекровь лишѣе,
Деверья-то кобелье,
А золовки сомутьянки.

Тѣмъ временемъ въ избѣ начинаются пѣсни, пляски. Жениха уводятъ за занавѣску къ невѣстѣ. Онъ беретъ съ собою подарки: конфеты, пряники, баранки и бутылку „краснаго вина“ (наливки) и все ставитъ передъ своей суженой. За столомъ невѣсты обыкновенно

присутствуютъ двѣ подневѣстницы и сватья,— большею частью мать жениха. Веселье продолжается всю ночь; только на разсвѣтѣ гости разъѣзжаются по домамъ. Передъ отъѣздомъ женихъ съ невѣстой и подневѣстницами катаются по деревнѣ и на прощанье даритъ своей суженой деньги, смотря по состоянію, отъ 15 коп. и до рубля даже.

Послѣ ладовъ невѣста на бесѣды и гулянья уже не ходитъ и платье носитъ „печальное", т. е., траурное. По утреннимъ и вечернимъ зарямъ, начиная съ этого дня и до свадьбы, она плачетъ и на ея плачъ по вечерамъ собираются подруги и поютъ ей „горевыя" пѣсни: „ты заря-ли бѣла зорюшка" и „измѣнщицу". *) По утрамъ невѣста встаетъ рано,—до свѣту и плачетъ:

Ужъ я встану-ли ранехонько,
Не умоюсь ключевой водой,
А умоюсь горючми слезми.
Сяду я на бѣлу лавочку,
Что подъ красно-ли окошечко,
Подъ хрустальное стеколышко,
Что на зорюшкѣ на утреней,
На закатѣ свѣтла мѣсяца,
На восходѣ красна солнышка,
На отходѣ своей красы дѣвичьей.

*) Эти пѣсни помѣщены ниже, при описаніи дѣвичника.

Открасовалась-то я во своей красы,*)
Во своей красы во дѣвичьей,
У кормильца мово батюшки,
У родимой моей матушки.
Отсидѣла я на бѣлой лавочкѣ,
Что подъ краснымъ подъ окошечкомъ,
Подъ хрустальныимъ стеколышкомъ.
Отчесала-то я буйную головушку,
Отчесала гладко—наглодко,
Отплела я русу косыньку,
Отплела я мелко—намелко,
Относила въ ней ленту алую.
Отгуляла я, горюшечка,
По широкой нашей улицѣ
Со своими милыми подружками.
Отговорила я съ подружками
Свои тайныя словечушки.
Что краса-ль моя была красивая,
А гуляньице веселое.
И гуляла я быстрѣе ключевой воды,
Красовалась-то я лучше шелковой травы.

(Но если невѣста—сирота, то заканчиваетъ эту часть причитанія такъ:

Что краса-то моя была некрасивая,
А гуляньице не веселое).
Ужъ ты мой кормилецъ батюшка
И родима моя матушка!

---

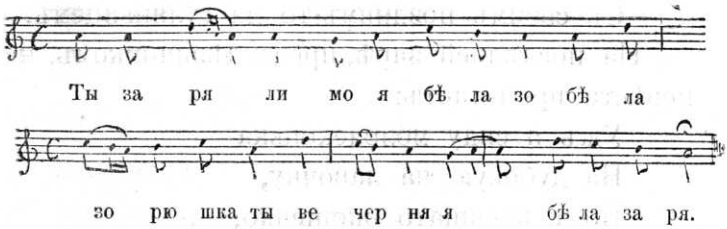
*) Мѣстная особенность языка,—неправильное согласованіе существительнаго съ глаголомъ.

Что спалася-ли вамъ темна ночь,
Что спалася-ли дремалася?
А мнѣ бѣдной-то горюшечкѣ
Не спалась она не дремалася,
И всю ноченьку я продумала,
И всю темную я проплакала.
Озаботилъ ты меня кормилецъ батюшка
И моя родима матушка,
Что заботой-ли великою.

По вечернимъ зарямъ невѣста повторяетъ тоже причитаніе, только начиная со словъ: „на отходѣ красы дѣвичьей“ и т. д.

Существуетъ еще слѣдующій варіантъ причитанія, который употребляется одинаково какъ при утренней, такъ и при вечерней зарѣ:

Протяжно.



Ты заря-ли моя бѣла зорюшка,
Ты вечерняя бѣла заря!
Ты зачѣмъ, заря, рано занимаешься?
А моя-то краса дѣвичья,
Краса дѣвичья удаляется,
Удаляется она убавляется.
Ты послушай мой кормилецъ батюшка,

Что я буду тебѣ сказывать,
Что я буду тебя спрашивать.
Открасовалась я у тебя кормилецъ батюшка
Во красѣ (ы) то-ли своей дѣвичьей
Относила въ косѣ (ы) ленты алыя,
Ленты алыя—атласныя.
Отсидѣла я на дубовой лавочкѣ,
Что подъ краснымъ то окошечкомъ.
Отглядѣла я во хрустальное стеколышко
На широкую-то улицу.
Отгуляла я со любезными подружками,
Со любезными —задушевными.
Ужъ ты мой кормилецъ батюшка
Не попомни моей прежней грубости,—
То не грубость была,—глупость дѣвичья.
Нагрубила я тебѣ, надосадовала
Со своими-то любезными подружками,
Со своимъ большимъ наряжаньицемъ
Съ своимъ позднимъ-то да гуляньицемъ.

На послѣдней зарѣ, предъ дѣвичникомъ, неневѣста причитаетъ:

Ужъ я сяду молодехонька
На дубовую на лавочку,
Подъ косящато окошечко,
Подъ хрустальное стеколышко.
Погляжу я молодехонька
На широкую на улицу (улочку)
Не равно-то зорька занимается,
По бѣлу свѣту разстилается.
Ты заря-ли бѣла зорюшка,
Не дала ты мнѣ повыспаться

Во остаточки, во послѣдочки,
Во своей красы во дѣвичьей,
У свово кормильца батюшки,
У своей родимой матушки.
Ужъ ты мой кормилецъ батюшка,
Я спрошу тя молодехонька,
Что спалась-ли тебѣ темна ночь,
Что спалася-ли, дремалася?
Какъ и мнѣ то, горькой, не спалась она,
Не спалася, не дремалася,
А и вся-то ночь во думахъ прошла
Ино всѣ то я думы передумала.
А одна дума все съ ума не шла,
Что съ ума-то съ разума.

Затѣмъ причитаетъ тоже самое, обращаясь къ своей матери: „ты моя родима матушка“, а потомъ и ко всѣмъ семейнымъ: „и мои-то вы всѣ родные“. Причитаніе оканчивается снова обращеніемъ къ матери:

Ты моя родима матушка,
Призаснула я молодехонька
Середи то я темной ноченьки.
Какъ приснился мнѣ сонъ нерадошенъ,
Что гуляла я на широкой улочкѣ
Во своей толпѣ (ы), толпѣ (ы) дѣвичьей
Со своими-ли подружками милыми.
Налетѣли на меня черны вороны,
Сорвали съ меня шелковъ платокъ,

Шелковъ платокъ, красу дѣвичью.
Ужъ и стало-то мнѣ да стыднехонько,
Что стыднехонько-то, да бѣднехонько
Придти къ вамъ моя родна матушка.

Дѣвичникъ.

Наканунѣ дня свадьбы въ избѣ невѣсты идутъ приготовленія къ „дѣвичнику“ или „вечеринѣ“. Въ избѣ настилаютъ соломы, по долгой лавкѣ ставятъ два стола: на одномъ ставятъ хлѣбъ-соль, а на другомъ ведро пива. Невѣста одѣвается въ платье „печальное“, т. е., бѣлое или-же черное. Къ дѣвичнику она еще заранѣе приготовляетъ „косники“, или иначе — „красу дѣвичью“, т. е., заготовляетъ столько ленточекъ, сколько было у нея подругъ и къ концамъ каждой ленточки пришиваетъ разноцвѣтныя кисточки. „Косники“ привѣшиваются къ потолку надъ столомъ, за которымъ должна сидѣть невѣста.

На дѣвичникѣ, какъ и на лады, бываетъ открытъ свободный доступъ публикѣ, которая тѣснится обыкновенно у дверей. Въ избѣ бываетъ душно и жарко. Маленькими ребятишками набиты палати и печка. Даже всѣ окна снаружи заняты любопытными.

Какъ только смеркнется, дѣвицы собираются у дома невѣсты и, не входя въ домъ, подъ окнами поютъ „зорю“:

Ты заря-ли бѣла зорюшка,
Ты заря-ль моя вечерняя.
Не дала ты, бѣла зорюшка,
Нагуляться младой доволя.
Какъ любилъ-то парень дѣвушку,
Любилъ, да спокинулъ.
Спокидавши, спобросавши
Сталъ онъ съ Дуней говорить.
Ты скажи ка мнѣ Дуняша,
Скажи любишь, али нѣтъ.
Любить тебя не люблю,
Отказаться не могу,
Отказаться не могу
По несчастью—горю своему.
Какъ на первое горе несчастье
Младу замужъ отдаютъ,
На второ горе—несчастье
Въ несогласную семью берутъ,
А на третье-то горе—несчастье
Мужъ удала голова.
Прожилъ, прожилъ—промоталъ,
Жену въ карты проигралъ.

Послѣ пѣнія этой пѣсни открывается дверь и дѣвицы входятъ вь домъ невѣсты и поютъ „измѣнщицу“:

Какъ Авдотья-то измѣнщица
Измѣнила всѣхъ подругъ своихъ,
Всѣхъ подругъ своихъ, красныхъ дѣвушекъ.
Говорила не пойду замужъ,

Не пойду замужъ, не подумаю.
А теперича надумала,
Не сама-же она вздумала.
Какъ продумалъ ее батюшка,
Приговорщица родна матушка.

Кромѣ „измѣнщицы поются еще слѣдующія пѣсни:

I.

На горѣ-то была елочка,
Подъ горой была свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ-то Марьюшка.
Прилеталъ къ ней младъ ясменъ соколъ:
Ты пойди, пойди-ка Марьюшка!
Я нейду, нейду, не слушаюсь,
Я и слушаюсь-то батюшки,
Да родимой своей матушки.

Такъ повторяютъ два раза, а на третій разъ пѣсню оканчиваютъ такимъ образомъ:

Я иду, иду и слушаюсь,
Что тебя-ли да мой милый другъ.
Онъ и взялъ ее за рученьку
И повелъ къ кормильцу батюшкѣ
И къ своей родимой матушкѣ.
Что кормилецъ ты мой батюшка
И родима моя матушка,
Вотъ и нате слугу вѣрную,
Слугу вѣрную, безотвѣтную.

II.

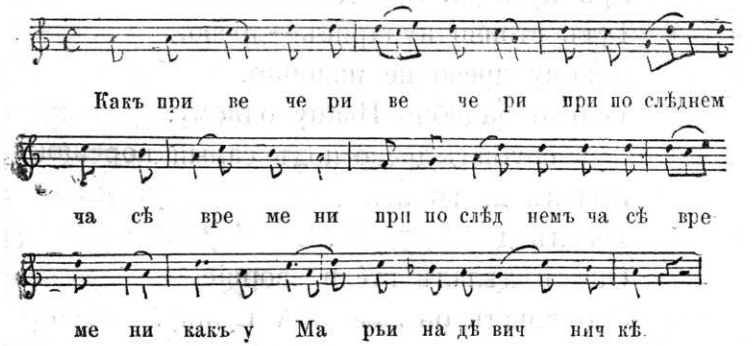
Что не дали конопелькѣ постояти,
Что не дали Афимьюшкѣ посидѣти,
Русой косой порусѣти,
Ума разума покопити.

III.

При вечери, вечери,
При послѣднемъ часѣ времени,
Какъ при Анниномъ дѣвичникѣ,
Какъ и Анна спохвалялася
Что не взять, не взять Ивану меня
Ни за сто рублей—за тысячу.
Не хвалися-ко ты Аннушка,
Не хвалися дочь Ивановна.
Я пріѣду самъ-девятъ по тебѣ,
Я возьму, возьму десятую тебя.

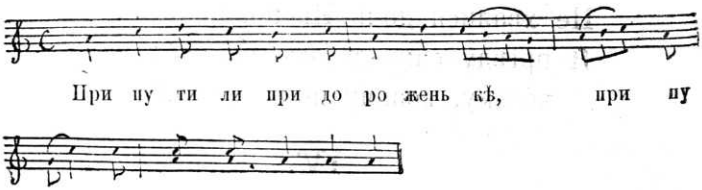
IV.

Протяжно.



Какъ при вечери, вечери,
При послѣднемъ часѣ времечкѣ,
Какъ при Анниномъ дѣвичничкѣ.
Прилеталъ тутъ младъ ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На серебряну прибоинну.
Увидала родна матушка:
„Ты дите-ли мое милое,
„Ужъ ты Анна-ли Михайловна,
„Приголубъ себѣ голубчика,
„Ясна—сокола залетнаго,
„Добра—молодца заѣзжаго“.

V.



При пути-ли, при дороженькѣ
Тутъ стояло купарисъ—древо.
Никому древо не надобно,
Только надобно Ивану одному.
Онъ срубилъ древо подъ самый корешокъ,
Кололъ древо мелко—на мелко,
Тесалъ доски, доски тонкіе,
Онъ и дѣлалъ гусли звонкіе,
Спотѣшалъ онъ свою Аннушку.

Невѣста встрѣчаетъ подругъ причитаніемъ:

Вы подружки мои милые,
Вы давно-бъ меня провѣдали.
И не пойте мнѣ вы пѣснью радостну,
А запойте пѣснью жалостну.
Прослезите вы мово кормильца батюшку
И родиму мою матушку.

Тѣмъ временемъ собираются гости. Каждый пріѣзжаетъ, или приходитъ съ подаркомъ—съ хлѣбомъ солью. Невѣста встрѣчаетъ всѣхъ причитаніемъ. Самый дорогой и желанный гость—это отецъ крестный, котораго невѣста встрѣчаетъ слѣдующимъ причитаніемъ:

Ты подикось крестный батюшка
На мою-то свадьбу дѣвичью,
Не прогнѣвайся мой крестный батюшка
Что не встрѣтила тебя я на широкой улочкѣ,
А что встрѣтила въ новой горенкѣ,
Въ новой горенкѣ, въ свѣтлой—свѣтлицѣ.

Отецъ крестный выслушиваетъ это причитаніе, стоя предъ невѣстой съ хлѣбомъ солью въ рукахъ и образомъ—своимъ благословленіемъ. На хлѣбъ онъ кладетъ деньги—30—50 коп. Невѣста съ послѣдними словами причитанія кланяется крестному въ ноги, цѣлуетъ хлѣбъ и икону и затѣмъ самого крестнаго. Всѣ и другіе гости выслушиваютъ тоже причитаніе съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ. Невѣста всѣмъ имъ кланяется въ ноги и всѣхъ цѣлуетъ. Если сре-

ди гостей есть замужняя сестра невѣсты, то послѣдняя послѣ обычнаго причитанія и поклона еще прибавляетъ:

Ты моя сестрица родная,
Я спрошу тя молодехонька,
Какъ-то жить мнѣ во чужихъ людяхъ,
Во чужихъ людяхъ, не знакомыихъ,
У чужова отца съ матерью?
Научи-ка сестра родная,
Какъ чужимъ служить отцу съ матерью?

Сестра отвѣчаетъ ей причитаніемъ:

Ты моя сестрица родная,
Что и худо жить во чужихъ людяхъ:
У чужова то отца съ матерью,
Безъ вины всегда виноваты мы.
Ты моя сестрица родная,
Какъ пойдешь ты во чужи люди,—
Не ищи подружекъ—ластушекъ.
Сокрѣпи свое ретиво сердце
Крѣпче камушка да горючева.
Когда стошнется тебѣ—сгрустнется,
Переплачь-ка ты одиношенька.

Тѣмъ временемъ собираются уже всѣ гости—родные невѣсты и усаживаются за столами.

По окончаніи вышеизложеннаго причитанія отецъ невѣсты вызываетъ поочередно гостей и распредѣляетъ между ними свадебныя должности и званія: назначаетъ кому быть дружкомъ, поддружьемъ, выбираетъ свахъ иногда только

двухъ, а иногда и болѣе; остальныхъ же гостей приглашаетъ быть на свадьбѣ „боярами“.

Этотъ обрядъ совершается такъ. Отецъ невѣсты спрашиваетъ:

Всѣ-ли гости съѣхались,
Всѣ-ли гости собрались?

Ему отвѣчаютъ:

— Всѣ.

Первымъ выбирается дружко. Эта должность поручается обыкновенно человѣку хорошо знающему свадебные обряды и умѣющему въ извѣстныхъ случаяхъ высказать, что нужно, красно и сладко.

Послѣ вопроса отца невѣсты, встаетъ лицо, предназначенное заранѣе въ дружки, и говоритъ:

Есть у насъ во бесѣдѣ,
Во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во бѣлой горницѣ
У нашего князя винображнаго
Батюшка родимый и матушка родимая
Кому позволите, кому прикажите
Во дружкахъ съѣздить?

Они называютъ его.

Тогда дружко продолжаетъ:

Есть у насъ во бесѣдѣ,
Во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во бѣлой горницѣ

У нашего князя винображнаго
Есть у насъ добрый молодецъ,
Что Иванъ то-ли да Ивановичъ.
Повыйди, повыступи
Покажи очи ясныя,
Не укрой лица краснаго.
Двѣ ноги подходятъ,
Двѣ руки подносятъ,
Ковшъ съ питьемъ,
Голова съ чолбитьемъ,
Сердце покорно голова поклонна.
Проситъ нашъ князь винображный
Ковшомъ медомъ и ласковымъ словомъ,
И низкимъ поклономъ
Послужить въ дружкахъ
Вѣрой и правдою.*)

Такимъ же образомъ избираются и остальные свадебные чины.

Послѣ выбора гости размѣщаются за столомъ уже сообразно званію каждаго изъ нихъ. Самое почетное мѣсто—въ переднемъ углу, подъ образами,—занимаютъ отецъ крестный и мать крестная, за ними ближе къ невѣстѣ садятся

*) У жениха этотъ-же самый обрядъ совершается или наканунѣ свадьбы—на „вечеринѣ", или-же угромъ въ самый день свадьбы, передъ выѣздомъ за невѣстой. Наканунѣ свадьбы у жениха собираются холостые товарищи, ихъ угощаютъ водкой и пивомъ. На другой день утромъ. т. е., въ день свадьбы справляется „позарянье". Женихъ выдаетъ товарищамъ на угощеніе: двѣ бутылки водки, кувшинъ пива, ржаной пирогъ и кусокъ вареной говядины. Разумѣется количество водки и пива можетъ быть и увеличено. Это зависитъ отъ количества холостыхъ товарищей жениха, а равнымъ образомъ и отъ средствъ послѣдняго.

дружко съ поддружьемъ, а съ другой стороны сваха. Среди нихъ сидитъ невѣста; справа и слѣва ея—подневѣстницы. Гостей угощаютъ пивомъ и виномъ.

Въ это время подруги невѣсты, столпившись у дверей, поютъ гостямъ пѣсни, а гости дарятъ имъ деньги. Монета кладется въ стаканъ съ пивомъ или виномъ и предлагается дѣвицамъ. Онѣ выпиваютъ содержимое (въ этомъ случаѣ имъ помогаютъ и бабы—любительницы подвыпить) и одна изъ дѣвицъ, избранная въ казначеи, вынимаетъ монету и объявляетъ подругамъ, сколько дано. Если дѣвицы довольны подаркомъ, то тороватому гостю поютъ „спасибо“.

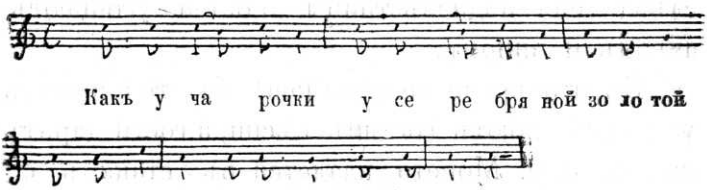
Ты спасибо, друженька (или сватьюшка, бояринъ молодой.
Мы твои дары приняли,
А мы медъ пиво выпили,
Золотую гривну вынули
И поклонъ тебѣ воздали.

При этихъ словахъ дѣвицы кланяются тороватому гостю въ поясъ. Но если дѣвицы недовольны подаркомъ, то скупому гостю поютъ „соромскую“ пѣсню. Въ этой пѣснѣ обидѣвшему дѣвицъ гостю приписываются всевозможные физическіе и нравственные недостатки и иногда въ формѣ далеко не цензурной.

Гостямъ поются слѣдующія пѣсни:

I.

Скоро.



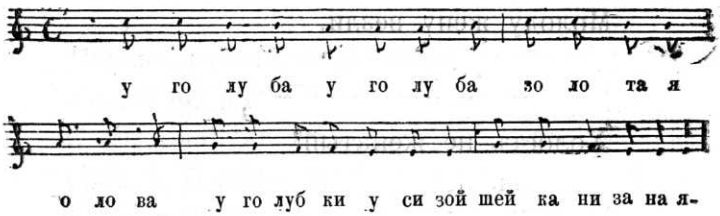
Какъ у чарочки, у серебряной
Золотой былъ вѣночикъ.
Какъ у Павла то Иваныча
Дорогой былъ обычай.
Гдѣ ни пьетъ, гдѣ ни ѣстъ,
Ни гуляетъ онъ,
Ночевать домой ходитъ.
Лизаветушку люблю,
Я Гавриловну люблю,
Сердце, радость, животокъ!

II. (холостому).

Ино кто у насъ хорошъ—пригожъ,
Что хорошъ—пригожъ Василій свѣтъ,
Что Василій свѣтъ Димитревичъ.
Онъ, какъ яблочекъ наливчатый,
Онъ по блюдечку катается,
Онъ за дѣвушекъ хватается,
Что за правую за рученьку,
За серебряно колечушко.

III.

Скоро.



У голуба, у голуба
Золотая голова
У голубки, у сизой
Шейка низаная.
Какъ у Павла-то свѣтъ
Молода жена.
Молода жена
Лизавета—душа,
Лизавета—душа
Гавриловна.
Приходилъ къ нему товарищъ
Позавидовалъ женой.
Ка-бы мнѣ-то молодцу,
Кабы этую жену!
Я-бы лѣтнею порой
Во калязозкѣ каталъ,
А зимой, а зимой
Въ Петербургскихъ саняхъ,
Въ Петербургскихъ саняхъ
На ямскихъ лошадяхъ

Пріударьте-ка, ребята,
По ямскимъ лошадямъ,
Чтобы шибче бѣгли,
Молоду жену везли.

IV. (холостому).

Ино кто у насъ холостъ,
Холостъ не женатый?
Холостъ не женатъ
Василій свѣтъ.
Что Василій свѣтъ,
Да Димитревичъ.
По горенкѣ ходитъ,
Манерно ступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не мараетъ,
На коня садится,
Подъ нимъ конь бодрится.
Онъ плеточкой машетъ,
Подъ нимъ конь-то пляшетъ.
По лугамъ онъ ѣдетъ,
Луга зеленѣютъ;
По садамъ онъ ѣдетъ,
Сады разцѣтаютъ,
Сады разцвѣтаютъ,
Птяшечки играютъ.
Птяшечки играютъ,
Двѣ дѣвки встрѣчаютъ,
Съ коня снимаютъ.
Съ коня снимаютъ,

Чару наливаютъ.
Я не пью такова
Вина зеленова.

V.

Черезъ рѣченьку рябинушка лежитъ.
Никто по рябинушкѣ не ходитъ,
Какъ Иванъ-то свѣтъ переходитъ,
Онъ и Ольгу—душу переводитъ.
Ужъ ты Ольга—душа не шатайся,
Алексѣевна не валяйся,
Переведши тебя поцѣлую
Черезъ пуговки золотыя,
Черезъ петельки шелковыя,
Черезъ низано ожерелье.

VI. (дружку).

Скоро.

Что ни здѣсь ли дру жень ка что ни здѣсь ли друженька

Что ни здѣсь-ли друженька?
Онъ сидитъ во большомъ мѣстѣ,
Во большомъ мѣстѣ, да на лавочкѣ.
У него-ли лицо бѣлое,
Лицо бѣлое, румяное
А головушка кудрявая.

VII. (Дружку).

У насъ друженька богатый,
Онъ и по двору гуляетъ

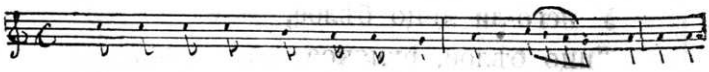
Онъ копѣйками дворъ устилаетъ,
Онъ рублемъ ворота запираетъ,
А полтиною отпираетъ.
Онъ и хочетъ пѣвицъ подарити.
Ты дари пѣвицъ, не жалѣя,
Что-бъ онѣ тебя не бранили,
Во глаза тебя не карили.

VIII. (Дружку).

У насъ друженька хорошій,
Петръ Гавриловичъ свѣтъ пригожій.
Ино гдѣ такой хорошился,
Въ меду—патокѣ окунулся,
На гору взошолъ—отряхнулся,—
Ино стала гора золотая,
Что подъ горочкой-то жемчужки.
Его дѣвушки всѣ любили,
Во высокъ теремъ водили,
Пивцомъ—винцомъ поили,
Сладкой грушею кормили,
За бѣлы руки принимали,
Въ сахарны уста цѣловали.

IX.

Скоро.



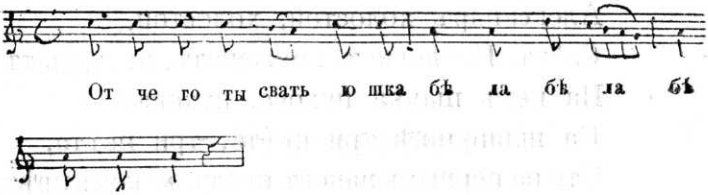
Шелко ва я лен точка къ стѣнкѣ льнетъ къ стѣнкѣ

Шелковая ленточка къ стѣнкѣ льнетъ,—
Къ стѣнкѣ льнетъ.

Иванъ Марьюшку къ сердцу жметъ,
Къ сердцу жметъ.
Ты скажи-ка, Марьюшка, кто-жъ тебѣ милъ,
Кто-жъ тебѣ милъ?
— А мнѣ милъ—милешенекъ батюшка,
Батюшка.
То-то Машенька неправда твоя,
То-то Марьюшка не истиная.
— Мнѣ мила—милешенька матушка,
Матушка.
То-то Машенька неправда твоя,
То-то Марьюшка не истиная.
— А мнѣ милъ—милешинекъ милый другъ,
Милый другъ.
То-то Машенька правда твоя,
То-то Марьюшка истиная.

X.

Скоро.



Отчего ты сватьюшка бѣла—бѣла?
У ней братья соколы, соколы.
По синему морю летали, летали,
Бѣлилъ, румянъ купили, купили,
Свою сестру бѣлили, бѣлили.

XI.

Ужъ ты сватушка догадайся,
За мошоночку принимайся,
Вынимай-ка ты гривну золотую,—
Ты дари дѣвокъ поскорѣе,
Чтобъ онѣ тебя не ругали,
Все по имени величали.

XII.

Отъ умнаго батюшки,
Отъ разумной-то отъ матушки
Уродилосъ мило дитятко,
Что Ефремъ то-ли Гавриловичъ.
И умнымъ-то онъ умнехонекъ,
Голова его кудрявая,
Борода его шелковая.

XIII.

Ино кто у насъ холостой, холостой;
Ино кто у насъ не женатъ, не женатъ?
Александръ холостой, холостой,
Свѣтъ Ивановичъ не женатъ, не женатъ.
На немъ шапка пухова, пухова,
На шляпушкѣ три цвѣта, три цвѣта;
Что на первыхъ маковъ цвѣтъ, маковъ цвѣтъ,
На второй-то веселекъ, веселекъ,
На третей-то любовь цвѣтъ, любовь цвѣтъ.
На что ему маковъ цвѣтъ, маковъ цвѣтъ?
Что-бы молодецъ красенъ былъ, красенъ былъ.
На что ему веселекъ, веселекъ?

Что-бы молодецъ веселъ былъ, веселъ былъ.
На что ему любовь цвѣтъ, любовь цвѣтъ?
Что-бы дѣвки любили, любили,
Въ высокъ теремъ водили, водили.
Сладкой водкой поили, поили.

XIV.

Какъ Анисья Ивана снаряжала,
Она гривну въ платокъ завязала,
Завязавши ему наказала,—
Ты поѣдешь-ли другъ мой на свадьбу,
На веселый-то пиръ, на гулянье,
Будутъ дѣвицы пѣсни тамъ пѣти,
А и будутъ тебя величати,
Что и было-бы чѣмъ подарити.
Ты дари дѣвицъ, не скупися,
Золотой казной разступися.

XV (Тароватому гостю вмѣсто „спасибо").

А и дай тебѣ Богъ пожилося,
Что-бы рожь съ овсомъ родилося,
Ярая пшеница, черная гречица,
Бѣлый ленъ кудревастый,
Крупный горохъ струковастый.

XVI.

Скоро.

Кустокъ, кустокъ кустоватенькій,
Груздокъ, груздокъ груздоватенькій,

Какъ Димитрій у насъ кудреватенькій.
Никто-жъ къ кудрямъ не повернется,
Подвернулася Александрушка,
Подвернулася дочь Алексѣевна.
Приняли кудри на бѣлы руки,
Начали кудри цѣловать—миловать,
Цѣловать—миловать, ухорашивать.

Когда пѣсни уже спѣты всѣмъ гостямъ и отъ всѣхъ ихъ дѣвицы получатъ подарки въ видѣ монеты большого или меньшаго достоинства, начинается обрядъ „отдаванія красы".

Посрединѣ избы ставятъ сундукъ; подневѣстницы подъ—руки выводятъ изъ—за стола невѣсту и сажаютъ на сундукъ, а сами становятся по сторонамъ. На столѣ ставятъ пустое блюдо и покрываютъ платкомъ. Подневѣстницы начинаютъ расплетатъ у невѣсты косу, а невѣста въ это время причитаетъ:

Вы мои подружки милыя,
Вы возмите-ка востеръ ножъ,
Ужъ вы вырѣжьте изъ косы моей,
Изъ косы моей ленту алую.
Не порѣжьте-ка свои рученьки,
Не вваляйте-ка платья цвѣтныя.

Затѣмъ, обращаясь къ отцу невѣста причитаетъ:

Ты кормилецъ, мой родной батюшка,
Подойди ко мнѣ молодехонькой,
Приложи свои бѣлы рученьки

Ко моей-то ли буйной головушкѣ;
Причеши ты мнѣ буйную головушку
Во остаточки, во послѣдочки.

Отецъ невѣсты беретъ у подневѣстницъ гребень и чешетъ косу дочери три раза, затѣмъ отходитъ къ столу и въ накрытое платкомъ блюдо кладетъ деньги,—подарокъ невѣстѣ. Тоже дѣлаетъ мать невѣсты и всѣ гости, при чемъ каждый въ отдѣльности вызывается вышеизложеннымъ причитаніемъ. Когда всѣ исполнятъ этотъ обрядъ чесанія косы, невѣста говоритъ „спасибо“.

Ты спасибо мой, кормилецъ батюшка,
И родима моя матушка,
Причесали мнѣ вы буйную головушку
Во остаточки, во послѣдочки.
Во моей красы (ѣ) во дѣвичьей.
И спасибо вамъ, мои родные,
Причесали мнѣ вы буйную головушку
Во остаточки, во послѣдочки.

При этихъ словахъ невѣста отдаетъ поясной поклонъ отцу съ матерью и потомъ общій поклонъ всѣмъ гостямъ.

Послѣ этого подневѣстницы снова берутъ невѣсту подъ—руки и съ распущенной косой ведутъ ее за столъ и сажаютъ на прежное мѣсто. Коса не заплетается уже до самого вѣнчанія.

Одна изъ подневѣстницъ наливаетъ кружку пива. Между тѣмъ невѣста плачетъ:

Ты моя, родима матушка,
Я спрошу тебя молодехонька,
А и есть-ли у тебя слуга вѣрная,
Слуга вѣрная,—безъотвѣтная.
Что сходить-то-ли въ погреба холодные,
Нацѣдить то мнѣ пива пьянова,
Пива пьянова, да румянова,
Угостить подружекъ милыихъ.
Вы мои подружки милыя,
Мои милыя, задушевныя,
И спрошу я васъ, молодехонька,
Вы куда присудите мнѣ красу дѣвать?
Во поля пустить,—позапутаться,
Во луга пустить,—загуляется,
Во лѣса пустить, позаблудится,
На гору пустить,—позакотится,
На воду пустить, позатопится,
Вы подруженьки, мои милыя,
Вы примете-кось и мою красу
И мою красу во свою толпу,
Во свою толпу да во дѣвичью.
Вы подруженьки, мои милыя,
Мои милыя, задушевныя!
Какъ придетъ-то къ къ намъ
Лѣто теплое,
Лѣто теплое, весна красная.
И придутъ деньки да прохладные,

Расцвѣтутъ цвѣты да лазоревы,
И пойдете вы во чисты поля,
Во чисты поля, въ зелены луга
И сорвете вы по свому цвѣтку
И совьете вы по вѣнку себѣ.
А и мой-то цвѣтокъ,—онъ останется.
Онъ останется,—припечалится.
Вы подруженьки, мои милыя!
Воротитесь-ка вы опять въ поля
И сорвите-ка вы и мой цвѣтокъ,
Ужъ вы свейте-ка да и мнѣ вѣнокъ.
И пойдете вы вдоль по улицѣ
Ужъ вы мимо-то мово батюшки
И моей то-ли родной матушки,
Положите-ка вы вѣночикъ мой
Ко кормильцу то мому батюшкѣ,
Что на красное да окошечко
И пущай-то онъ покрасуется
И пущай мои, мои родные
Мои родные полюбуются.

Послѣ этого, подневѣстницы снимаютъ „красу,“ т. е. ленточки, подвѣшенныя надъ столомъ и дѣлятъ ихъ между подругами. Каждой дѣвицѣ даютъ ленточку и подносятъ кружку пива. Получивши красу, дѣвицы расходятся по домамъ. Тѣмъ дѣвичникъ и заканчивается.

Дѣвичникъ сироты въ общемъ справляется такъ-же, какъ здѣсь описано, но имѣетъ еще слѣдующую особенность.

Какъ только подруги войдутъ въ домъ невѣсты, начинаютъ пѣть „елочку“:

I.

Ужь ты ель ты моя, елочка,
Ужь ты ель сосна кудрявая!
Какъ на елочкѣ есть всѣ вѣточки,
Только нѣтъ у ней одной маковки.
Какъ у Марьюшки нѣту батюшки,
Только есть у ней одинъ родный братъ,—
Алексѣй-то ли да Михайловичъ.
Говорила-ли наша Марьюшка
Своему-то ли братцу родному:
Ты возми, возми узду шелкову,
Осѣдлай коня, коня ворона
Поѣзжай-ка ты въ село Юрьевско
И ударь-ка ты въ большой колоколъ,
Не возстанетъ-ли родный батюшка
Благословить меня горькую сиротинушку.

II.

Ужь ты ёла моя, елочка,
Какъ на елочкѣ нѣту маковки,
У Афимьюшки нѣту матушки.
Она плачетъ-то, какъ рѣка льется,
А рыдаетъ то, какъ волна бьется,—
Причитаетъ все чужу сторону.
Какъ чужіе то отецъ съ матерью
Посылаютъ-то меня молоду,
Меня молоду на Дунай рѣку,
На Дунай-то ли рѣку по воду.

Прилетѣли тутъ гуси сѣрые,
Возмутили тутъ воду свѣжую.
Послѣ этой пѣсни невѣста плачетъ:
И желанный ты мой батюшка (если отца
замѣняетъ отчимъ)
И желанный ты мой братецъ (если братъ)
Алексѣй-то ли Михайловичъ
И родимая моя матушка,
И послушайте-ка меня сиротушку
И сиротушку то горькую,
Что то буду я вамъ сказывать,
Я вамъ сказывать и васъ спрашивать.
Ино всѣ-ли у васъ гости созваны,
Ино всѣ-ли соберутся — съѣдутся?
Одного-то дорогого гостя нѣтъ,
Что кормильца-то мово батюшки.
И желанный ты мой батюшка
Алексѣй-то ли Михайловичъ
И родимая моя матушка,
Не во гнѣвъ бы вамъ это сталося,
Не въ досаду бы показалося,
Что пойду то я, горькая сиротушка,
На широкую то улицу,
Позову-то я покличу своего кормильца ба-
Не для пира, не для весельица, [тюшку
Для великаго благословеньица.
Снарядить-то меня-справить было есть кому
А благословить-то меня горькую некому.

И затѣмъ „кличетъ“ подругъ:

Вы любимыя мои подруженьки,
Вы любимыя, задушевныя!
Вы послушайте меня сиротку горькую,
Что я буду теперь сказывать.
Не подойдутъ-ли ваши скоры ноженьки
Что ко мнѣ-то-ли горькой сиротушкѣ,
Не подымутся-ли ваши бѣлы рученьки
На меня-то горькую сиротушку,
На мою-то буйную головушку?
И покройте вы мою буйную головушку отъ буйныхъ вѣтровъ.

При этихъ словахъ дѣвицы берутъ шаль и накрываютъ голову невѣсты, а она продолжаетъ:

Отъ буйныхъ вѣтровъ, отъ частыхъ дождей.
Не нашла-бы туча грозная,
Не поднялись-бы буйны вѣтры,
Не сорвали-бы съ моей головушки цвѣты лазоревы.

Невѣста выходитъ на дворъ и, обращаясь къ сосѣдямъ, причитаетъ:

Вы любезные мои сосѣдушки
И дядюшки, и тетушки,
И любимыя мои подруженьки
Отстранитесь и раздвиньтеся
На четыре вы сторонушки,
Уже вы дайте мнѣ, сиротушкѣ,
Поглядѣть по широку двору,
Не стоитъ-ли гдѣ мой кормилецъ батюшка?

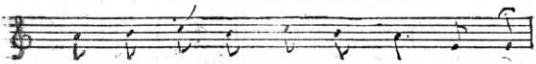
Не стоитъ ли гдѣ позади людей,
Позади людей призадумавшись,
Призадумавшись, припечалившись—
Со великимъ-то благословеньицемъ.

Затѣмъ невѣста выходитъ на улицу и молится на всѣ четыре стороны. Обращаясь на востокъ, она причитаетъ:

Успеніе ты Божія Матушка,
Обрадуй ты меня корыстью—радостью.

Затѣмъ припадаетъ къ землѣ и плачетъ „на мертвый голосъ“, т. е. такъ, какъ плачутъ по покойнику:

Протяжно.



Ты ро ди мый ты мой ба тюшка

Припаду ли я сиротушка
Что ко матушкѣ ко сырой землѣ
И пущу-то ли свой тонкой голосъ
Я по матушкѣ, по сырой землѣ.
Не услышитъ-ли мой кормилецъ батюшка,
Не возжелаетъ-ли его ретиво сердце
Обо мнѣ-то ли горькой сиротушкѣ.
Вы взойдите тучи грозныя,
Тучи грозныя, несносныя;
Опуститесь часты дождики,
Размочите мать-сыру землю,
Разступись ты мать-сыра земля,

Ты раскройся гробова доска!
Подымитесь вѣтры буйные
Размахните крышу тонкую.
Что кормилецъ-ли ты мой батюшка.
Попросись-ка ты, ты у Господа
На единый часъ одну минуточку.
Что не для пира-то—для весельица,
Для великаго благословеньица.

Послѣ этого невѣста идетъ обратно въ домъ и заводитъ на свадебный голосъ:

И была-то я, горькая сиротушка,
На широкой-то на улицѣ,
И звала-то я кормильца батюшку
И звала-то,—не дозвалася,
И я кликала,—не докликалась.

Подходя къ мосту и обращаясь къ своей матери, невѣста причитаетъ:

Ты родима-ли моя матушка
И не бойся ты, не страшись меня
Что не туча-то я иду, не грозная.
Что была-то я горькая сиротушка
На широкой-то я на улицѣ
И звала-то я кормильца батюшку
И звала-то,—не дозвалася,
И я кликала,—не докликалась.

Невѣста входитъ въ домъ и кланяется отчиму (или брату) въ ноги и причитаетъ:

И желанный ты мой батюшка
И ступи-ка ты ступень крѣпкую

Что за мѣсто-то моего кормильца батюшку,
Благослови-тка ты меня сиротушку во чужи люди.

Въ этомъ только и заключается особенность дѣвичника сироты.

Замѣтимъ кстати, что умѣніе причитать въ прежнія времена цѣнилось очень высоко. Нѣвѣста, обладающая хорошимъ голосомъ, увлекалась сама и увлекала слушателей. Начиная можетъ быть и притворнымъ плачемъ, она незамѣтно даже и для себя переходила на плачъ естественный и вызывала грустное настроеніе и непритворныя слезы у слушателей. Напротивъ, неудачная причитальщица вызывала однѣ лишь насмѣшки: „Ну пошла молоть“!—говорили по ея адресу:

„Колышки—соколышки, изгородки—лебедки, мялицы—племянницы“...

СВАДЬБА.

Утромъ, въ день свадьбы, въ домѣ жениха собираются ѣхать за невѣстой и идутъ запрягать лошадей. Женихъ, уже совсѣмъ одѣтый по дорожному, сидитъ за столомъ. Тѣмъ временемъ дружко приноситъ ведро пива, ставитъ на столъ и говоритъ:

„Многа лѣта, многа лѣта, столько зимъ
Нашему князю винображному!“

Есть у насъ во бесѣдѣ,
Во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во бѣлой горницѣ
У нашего князя винображнаго
Батюшка родимый и матушка родимая,—
Умѣли вы своего сынка вспоить-вскормить
И умѣйте благословить,
Въ путь—дорогу отпустить,
Поднять нашего князя винображнаго
Изъ-за столовъ изъ-за дубовыихъ,
Изъ-за скатертей браныихъ,
Изъ-за кушаній сахарныихъ,
Изъ-за питій медовыихъ.
Изъ свѣтлой свѣтлицы выводить,
Въ новые сѣни ступить,
На широкій дворъ войтить,
До добра—коня дойтить,
Въ козырныя сани сѣсть,
Шелковыя возжи въ руки взять,
Конемъ поворотить,
Со широкаго двора съѣзжать,
Ѣхать намъ по свою сужену,
Ѣхать намъ по свою ряжену,
Взять намъ свою сужену,
Взять намъ свою ряжену,
Ѣхать по пути по дороженькѣ
Ко Божіей ко церкви,
Ко Божію милосердію,
У Божьева храма встать,

И отца духовнаго взять,
Въ Божій храмъ вступить,
Подъ золотой вѣнецъ встать,
Животворящій крестъ цѣловать,
Законъ Божій принять.
Благословите батюшка родимый
И матушка родимая
Своего сына любезнаго
Съ нынѣ и до вѣку.

Отецъ и мать съ хлѣбомъ—солью и иконою въ рукахъ благословляютъ своего сына.

Послѣ этого дружко, повторяя все одну и ту-же рѣчь, приглашаетъ благословить „князя винображнаго“: отца крестнаго, мать крестную, братьевъ, сестеръ, и т. д. всѣхъ родныхъ. Затѣмъ, присѣвъ на скамьѣ и помолившись Богу, поѣздъ жениха выѣзжаетъ со двора.

Выѣхавъ въ поле, поѣздъ останавливается. Дружко съ поддружьемъ возвращаются въ домъ жениха, чтобы объявить о благополучномъ выѣздѣ и попросить снова благословенія. Дружко держитъ такую рѣчь:

Здравствуйте, здоровы живете!
Батюшка родимый и матушка родимая,
(отцу и матери крестной) Батюшка прибесѣдный и матушка прибесѣдная,
Выѣхалъ нашъ князь винображный
Въ чистое поле, въ зеленые луга,
Стоитъ подъ синими небесами,

Подъ частыми звѣздами,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ.
Приказалъ нашъ князь винображный
Низко кланяться
И не всѣмъ поименно,
А всѣмъ попоклонно.
Не проситъ нашъ князь винображный
Ни золота, ни серебра,
А проситъ родительскаго вашего великаго благословенія.

На эту рѣчь всѣ отвѣчаютъ:
„Господь его благословитъ.“
Дружко съ поддружьемъ уходятъ.

Не доѣзжая до деревни невѣсты, поѣздъ жениха снова останавливается въ полѣ. Къ дому невѣсты послами отъ жениха отправляются дружко съ поддружьемъ. Ворота заперты; пословъ не впускаютъ. Дружко стучитъ въ запертыя ворота и говоритъ:

Есть-ли кто у нашего сватушки нареченнаго,
У воротъ у воротничковъ,
У верей стоячіихъ, у верей гранячіихъ,
У столбовъ точеныхъ, колецъ золоченыхъ
Есть-ли кто и спорщичекъ?
Выходи, становись, говори со мной:
Сами ворота отворите, или намъ прикажете?

Изъ-за воротъ дружко со стороны невѣс-

ты отвѣчаетъ на рѣчь пріѣзжихъ вопросомъ:

— Отъ кого вы пріѣхали?

Дружко жениха говоритъ:

Отъ вашего сватушки нареченнаго
Присланы скорыми послами,
Ясными соколами;
Но мы не ясные соколы,
А мы добрые молодцы.
Крылья не имѣемъ,
Летать не умѣемъ.
Мы пріѣхали на добромъ конѣ,
На хозяйскомъ животѣ.

Зачѣмъ вы пріѣхали,—спрашиваетъ дружко невѣсты. Ему отвѣчаютъ:

Мы пріѣхали ни за лисицей, ни за куницей,
Мы пріѣхали за красной дѣвицей.
Есть тутъ у насъ дѣвушка сговорена,
Да и подарочкомъ подарена.

— Ну, сватъ,—говоритъ невѣстинъ дружко,—пустить-то я пустилъ бы, да выросла у меня середи двора береза,—ни пѣшему пройтить, ни конному проѣхать.

Дружко жениха отвѣчаетъ:

Намъ твоя береза—не помѣха;
Мы пріѣхали не однѣ:
Насъ пріѣхало семеро саней
По семеро на саняхъ,
По двое на запяткахъ,
По трое на загрядкахъ.

Есть у насъ и пила и топоръ,—
Мы твою березу срубимъ и спилимъ
И въ кучу повалимъ.
Но только сватушка нареченный
Не за этимъ мы къ тебѣ пріѣхали,
Что-бы дрова рубить,
Мы пріѣхали пиво да вино пить.
А если ты насъ, сватушка, не пустишь
На свое широкое подворье,
То мы другъ на дружку станемъ,
Да нашу суженую изъ трубы достанемъ.
А не то объ ворота поколотимъ,
Да и назадъ поворотимъ.
Не честь тебѣ, сватушка, будетъ,
Что свадьба отъ твоихъ воротъ прочь поѣхала.

— Просимъ милости,—приглашаетъ наконецъ дружко невѣсты и отпираетъ ворота.

Этотъ словесный турниръ между дружками обыкновенно происходитъ при большомъ стеченіи публики и иногда затягивается очень надолго. Дружко невѣсты, находясь въ условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ дружко жениха, придумываетъ различныя отговорки, чтобы поставить въ затрудненіе своего противника, который изо всѣхъ силъ старается, чтобы не ударить себя лицомъ въ грязь.

Но иногда дружко жениха, не выдержавъ съ честію этотъ словесный бой и истощивъ все свое остроуміе при гомерическомъ хохотѣ тол-

пы, смиренно лѣзетъ въ подворотню и самъ отпираетъ двери.

Но, если позволеніе войти и получено, дружко жениха съ своимъ поддружьемъ въ домъ невѣсты не входятъ, а снова ѣдутъ къ своему поѣзду въ поле и дружко докладываетъ своему „князю винображному“:

Князь нашъ винображный
Проситъ нашъ сватушка нареченный
Со всѣмъ прекраснымъ поѣздомъ
На его широкое подворье.

Всѣ ѣдутъ къ дому невѣсты и въѣзжаютъ во дворъ. Дѣвицы встрѣчаютъ жениха пѣснями:

Какъ сказали Алексѣй-то спѣсивъ,
Какъ сказали, что Ивановичъ ломливъ.
Онъ и ѣхалъ мимо тестева двора,
Онъ ударилъ копееемъ въ ворота:
Дома-ль тесть, дома-ль теща моя,
Дома-ль Катенька—душа?
Ты-бы вышла, ты-бы встрѣтила меня.
Тутъ Катюша испужалася,
И изъ горенки въ комодочку бросалася:
Вы сестрицы, вы подруженьки мои,
Отвяжите золоты ключи,
Отоприте вы дубовы сундуки,
Вынимайте гарнитурово сукно,
Вы скроите-ко Ивану кафтанъ,
Что-бъ ни дологъ, ни коротокъ былъ,
Что-бъ пошире, поразмашистѣй.

Или еще такую:

Какъ по лугу, лугу,
Лугу зеленому.
Бѣжали тутъ кони,

Кони вороные.
А на коняхъ сѣдла,
Сѣдла черкасскіе.
На сѣдлахъ бояра,
Бояра молодые.
На боярахъ платье
Все зелено, сине.

Дружко беретъ жениха за руку и, идя дворомъ говоритъ:

Летѣла тутъ сизая голубушка,
Бѣлая лебедушка,
Маковый цвѣтокъ,
Малиновый душокъ,
Самоцвѣтный камышокъ.
Какъ-бы намъ ее поймать,
Крылышки не поломать,
Перышки не разсчипать?
Поберегитесь, посторонитеся
Красныя дѣвицы,
Пирожныя мастерицы,
Сметанныя лакомицы,
Горшечныя пагубницы.
Какъ-бы вамъ на ножку, не наступить,
Сафьянный башмачекъ не изломать,
Бѣлевой чулокъ не замарать?
Пропустите нашего князя винображнаго,
Что-бы намъ не стыдно было,
Да и вамъ не совѣстно.

Идя по мосту, дружко говоритъ:

Идемъ по новымъ мостамъ,
По дубовымъ доскамъ,
Ко двери подхожу,
За скобку беру,

Дверь отворю,
Со сватомъ говорю.
Шагаю черезъ порогъ,—
Вижу сватовъ бѣлый потолокъ,
Иду ко святымъ образамъ,
Богу молюсь и низко кланяюсь.
Здравствуйте сватушка и сватья,
Пріѣхала свадьба.
Если ты не вѣришь намъ,
Вотъ, посмотри и самъ.

При этихъ словахъ дружко указываетъ на жениха и сваху, которые стоятъ посреди избы,—и потомъ спрашиваетъ;

Сватушка нареченный,
Сами нашу нареченную выведете,
Али намъ прикажете?

—Выводи,—говоритъ сватъ.

Дружко идетъ за перегородку къ печи выводитъ невѣсту. Дѣвицы просятъ съ него выкупъ. За невѣсту плотятъ рубль, но дружко всегда старается не додать.

—Ты намъ рубль давай,—бумажку,—говорятъ дѣвицы.

Бумажка-то, пожалуй, улетитъ еще, шутитъ дружко,—а вотъ, считайте. Дружко даетъ дѣвицамъ горсть мѣдныхъ денегъ и пока дѣвицы считаютъ, уводитъ невѣсту. Сосчитавши деньги, дѣвицы обнаруживаютъ обманъ, но уже поздно.

Дружо подводитъ невѣсту покрытую шалью къ женикху и говоритъ ему; „а ну-ка, братъ, отшиби ей память!“

Женихъ топаетъ правою ногою по ногѣ невѣсты, а она ему сдачи.

Дружко обводитъ три раза жениха и невѣсту вокругъ стола, а невѣста плачетъ:

Не шатайтеся столы дубовые,
Не сбирайтеся скатерти браныя,—

И при этомъ старается незамѣтно стащить со стола скатерть, что бы всѣ дѣвицы замужъ вышли.

Когда обойдутъ третій разъ вокругъ стола, дружко провозглашаетъ;

Много лѣта, много лѣта,
Столько зимъ
Нашему князю винображному
Со своей княгиней обрученной.

Послѣ этого всѣ садятся за столъ и начинается свадебный пиръ. Дѣвицы и бабы поютъ:

Шелковая ленточка къ стѣнкѣ льнетъ и т.д.*)

Затѣмъ поютъ „величальныя“ пѣсни, какъ и въ дѣвичникъ, всѣмъ гостямъ, а гости за пѣсни платятъ дѣвицамъ деньги. Послѣ того, какъ всѣмъ гостямъ пѣсни будутъ спѣты, сваха встаетъ и накрываетъ послѣднее блюдо пирогомъ; это обозначаетъ, что свадебный обѣдъ конченъ. Всѣ гости поднимаются и выходятъ вонъ изъ-за стола.

По серединѣ избы ставятъ обрученныхъ— жениха и невѣсту, рядомъ съ ними становятся двѣ свахи и дружко, который говоритъ „благословеніе“, тоже самое, какое говорилъ при

*) Эта пѣсня помѣщена при описаніи дѣвичника.

выѣздѣ изъ дома жениха, обращаясь сначала къ отцу съ матерью невѣсты, затѣмъ къ отцу и матери крестной и ко всѣмъ роднымъ. Всѣ благословляютъ невѣсту съ образомъ и хлѣбомъ-солью въ рукахъ.

Послѣ этого дружко беретъ за руку жениха, а женихъ невѣсту и выходятъ вонъ изъ избы. И, если невѣста—сирота, дружко говоритъ:

Ты раздвинься мать—сыра земля,
Ты раскройся гробова доска,
Благослови родимый батюшка
Свою дочь любезную
Съ нынѣ и до вѣку.

А если невѣста не сирота, то конечно этотъ приговоръ выпускается и дружко, обращаясь къ старикамъ, говоритъ:

Старые старички,
Умные ваши головы,
Широкія ваши бороды,
Благословите нашего князя винображнаго
Со своей княгиней обрученной.

— Богъ благословитъ,—говорятъ ему.

Дружко продолжаетъ:

Старыя старушки,
Рваныя станушки,
Короткіе сарафаны,
Долгіе языки,
Благословите нашего князя винображнаго
Со своей княгиней обрученной.

— Богъ благословитъ,—отвѣчаютъ ему.

И дружко снова продолжаетъ:

Молодыя молодицы,
Красныя дѣвицы,
Пирожныя мастерицы,

Сметанныя лакомицы,
Горшечныя пагубницы,
Благословите нашего князя винображнаго
Со своей княгиней обрученной.

—Богъ благословитъ,—отвѣчаютъ дѣвицы.

Дружко не забываетъ и маленькихъ ребятъ,—и у нихъ проситъ благословенія:

Маленьки ребятки,
Косыя заплатки,
Благословите нашего князя винображнаго
Со своей княгиней обрученной.

Послѣ этого всѣ садятся въ сани. Дружко беретъ жита и хмѣлины и бѣжитъ кругомъ поѣзда, осыпая всѣхъ житомъ и хмѣлиной, а поддружье подгоняетъ его кнутомъ. Затѣмъ поѣздъ выѣзжаетъ со двора.

Заблаговременно предъ отъѣздомъ изъ дома свахи заботятся, чтобы предохранить невѣсту отъ „порчи“, вѣра въ которую, скажемъ кстати, еще и теперь сильна. Съ этою цѣлью втыкаютъ невѣстѣ въ шубу иголки ушами внизъ и запираютъ поясъ невѣсты замкомъ. Въ сапоги сыплютъ ей льняное сѣмя, чтобы богато жилось. Кладутъ невѣстѣ за пазуху пряникъ къ голому тѣлу, чтобы раздѣлить его послѣ вѣнца между молодыми: лучше другъ друга любить будутъ. Съ такими предосторожностями невѣста отправляется въ церковь, гдѣ назначено вѣнчаніе.

Но, выѣхавъ за деревню, поѣздъ останавливается въ полѣ. Поѣзжане смотрятъ невѣсту: „наша-ли, не кривая-ли“?. За смотрины плотятъ деньги. Кто не дастъ денегъ, тому и невѣсту сваха не покажетъ.

Тѣмъ временемъ дружко съ поддружьемъ возвращаются къ родителямъ невѣсты „челобитье править“. Дружко входитъ въ избу, молиться Богу и начинаетъ говорить:

Выѣхалъ нашъ князь винображный,
Со своей княгиней обрученной
Въ чистое поле,
Въ зеленые луга.
Стоитъ онъ подъ синими небесами,
Подъ частыми звѣздами,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ.
Приказалъ нашъ князь винображный
Низко кланяться
И не всѣмъ поименно,
А всѣмъ попоклонно.
И проситъ нашъ князь винображный
Со своей княгиней обрученной
Въ свой родительскій домъ,
Въ гости послѣѣзжіе.
Пожалуй-ста не оставьте:
Пріѣзжайте семеро саней,
По семеро въ саняхъ,

По двое на запяткахъ,
По трое на загрядкахъ,
По двое пѣшкомъ,
По трое съ мѣшкомъ.
Всѣхъ васъ накормимъ
И съ собой накладемъ.
У нашего князя винображнаго
Пиво наварено,
Вино накурено:
Еще пива, сватъ, семь корчагъ
Въ берегу торчатъ,
Да семь амбаровъ
Сушеныхъ таракановъ.
Просимъ сватъ нареченный,
Пріѣзжайте нашего лебедя кушать
Только лебедь-то не у насъ:
Лебедь плаваетъ на синемъ морѣ.
Мы охотника пошлемъ,—
Онъ его убьетъ, да и къ намъ принесетъ.
Мы его ощиплемъ, да и сжаримъ
Да еще разрушаемъ,
Да вмѣстѣ и покушаемъ.

Послѣ этого поѣздъ продолжаетъ путь въ церковь безостановочно.

Во время вѣнчанія женихъ и невѣста стараются держать свою свѣчу одинъ другого выше, потому что кто изъ нихъ выше держитъ свѣчу, тотъ и будетъ головой въ семьѣ. Когда на молодыхъ надѣваютъ вѣнцы,—они должны

взглянуть другъ на друга, чтобы согласнѣе жить. Когда священникъ жениха и невѣсту обводитъ вокругъ аналоя,—они должны приговаривать: „хвори, боли не завѣнчивайтесь, о доброе здоровье привѣнчивайся“.

Послѣ вѣнца двѣ свахи плетутъ у невѣсты косы. Сваха со стороны жениха плететъ правую косу и закладываетъ каждую прядь косы сверху, а сваха со стороны невѣсты плететъ лѣвую косу и закладываетъ каждую прядь косы снизу. Въ этомъ обрядѣ, очевидно, выражается мысль о превосходствѣ мужа надъ женою.

Послѣ вѣнца весь поѣздъ отправляется въ домъ жениха. Невѣста, входя въ домъ жениха, должна прыгнуть на порогъ обѣими ногами сразу и про себя сказать: „шкиря—овцы, волкъ идетъ“, чтобы всѣ боялись ея.

У жениха пиръ продолжается до трехъ дней. Въ первый день за обѣдомъ дѣвицы поютъ гостямъ „величальныя“ пѣсни и получаютъ за это подарки деньгами.

На второй день, какъ бы пріучая къ хозяйству, молодыхъ посылаютъ на колодецъ за водой. Затѣмъ молодуху заставляютъ мести полъ. При этомъ, конечно, не обходится безъ шутокъ. Гости бросаютъ молодухѣ деньги и спрашиваютъ: „не слѣпая-ли“? Она поднимаетъ монету и за подарокъ кланяется гостю въ ноги.

Это бываетъ уже подъ вечеръ и затѣмъ начинается „княжой столъ". На столѣ ставятъ водку и пиво и всѣ гости поочередно вызываются къ чаркѣ съ приглашеніемъ осеребрить молодыхъ. Гости пьютъ предлагаемое и дарятъ молодымъ деньги. Послѣ этого начинается ужинъ и подаются „разгонныя щи".

Послѣ ужина женихъ съ невѣстой становятся посрединѣ избы. Дружко беретъ блюдо накрытое полотенцемъ съ кусками пряника который называется «молено» и говоритъ:

Есть-ли у нашего молодого
Батюшка родимый и матушка родимая
Моленки помолити,
Молодыхъ подарити.
Садятся наши молодые нâ ново
Много имъ надобно.
Надобно и соха, и борона,
И кобыла ворона,
Хомутъ и возжи,
Дуга и оглобли.

Родители жениха получаютъ отъ дружка по куску пряника, а сваха со стороны невѣсты вѣшаетъ имъ на шею по полотенцу. Родители отдариваютъ молодыхъ деньгами, которыя кладутъ дружку на блюдо.

Такъ вызываются и другіе родные и получаютъ отъ невѣсты полотенце. При этомъ дружко строго слѣдитъ за интересами новобрачныхъ и съ гостями не церемонится. Если гость плохо отдарилъ за полотенце, то дружко снимаетъ съ его шеи дареныя полотенца и не отдаетъ до тѣхъ поръ, пока гость не

приб авитъ еще.

Послѣ «даровъ» гости разъѣзжаются по домамъ. Впрочемъ, «дары» отдаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ первый день свадебнаго пира, во время свадебнаго обѣда и слѣдующимъ образомъ.

Какъ только дѣвицы пропоютъ всѣмъ гостямъ «величальныя» пѣсни, дружко отправляется въ клѣть и, возвращаясь оттуда, весь увѣшанный полотенцами, приговариваетъ:

Шелъ я новыми сѣнями,
Частыми ступенями,
Со стеклянными дверями.
Стеклянны двери не ломалъ,—
Все на честность отпиралъ.
Скокъ—прыгъ за порогъ,
Только брызги въ потолокъ.
Вошолъ я въ новую свѣтлицу,
Во всѣхъ углахъ свѣтится.
На печкѣ вѣтеръ повѣваетъ,
Сугробы надуваетъ.
А нашъ женихъ не унываетъ,
Съ печи снѣгъ срываетъ.
Любезному сватушкѣ (назыв. по имени и отчеству).
Подарочки на ручки;
Не годится вамъ на ручки,
Обратите на онучки,
Не годится на онучки,—
Такъ рыжку на торбочку.

Раздавъ всѣ полотенца, дружко идетъ снова въ клѣть и снова возвращается съ полотенцами и приговоромъ:

Идетъ дружка—потопушка

На куриныхъ ножкахъ,
Въ сафьянныхъ сапожкахъ.
Двѣ ноги съ подходомъ,
Двѣ руки съ подносомъ,
Голова съ поклономъ,
Языкъ съ приговоромъ.
Отъ нашей княгини новобрачной
Нашему сватушкѣ Егору Алексѣевичу.
Малы дары примите,
Но большихъ не взыщите,
А если этотъ худъ,
Въ Москвѣ лучше ткутъ,
Разными цвѣтами,
Съ золотыми каймами,
А чѣмъ того вамъ ждать,
Лучше этотъ взять.
Наша княгиня новобрачная
Не спала, не дремала,
Тонко пряла, звонко ткала,
Бѣло бѣлила, мишурою шила,
Вамъ норовила.

А когда всѣ гости подарены и остается уже послѣднее полотенце, дружко говоритъ:

А есть-ли у васъ, сватушка, званый гость,
Во новой стѣнѣ желѣзный гвоздь?

И съ этими словами вѣшаетъ на гвоздь полотенце. Затѣмъ пиръ продолжается и оканчивается, какъ уже описано.

20.

$\frac{95}{25}$

$\frac{95}{25}$